

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Акамов А. Т. Художественное духовное наследие кумыков: интерпретация, проблематика, топика. (Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ, 2020. 324 с.)

Новая монография А. Т. Акамова издана под грифом Института ЯЛИ им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН.

Исследование молодого, но уже крупного ученого посвящено комплексному осмыслению литературного наследия кумыков, сохраненного вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, что позволило народу отстоять духовную связь поколений в мировоззренческом и культурологическом плане на фоне духовного наследия других народов Дагестана и культуры Востока. Это первый опыт целостного обозрения вопросов становления и развития литературных традиций Дагестана на материале кумыкской литературы.

В прежних исследованиях по этой теме затрагивались лишь некоторые ее аспекты с попутным анализом отдельных произведений крупных авторов.

В настоящей монографии дано стройное концептуальное осмысление процесса с обстоятельным освещением произведений ранее слабо изученных деятелей духовной литературы. При этом автор охватил все имеющиеся в Дагестане, в отечественной науке и в науке тюркских государств исследования, посвященные духовной литературе Дагестана и Ближнего Востока. В качестве полевого материала ему служили многочисленные дореволюционные издания духовной литературы кумыков.

Автор опирался на исследования таких известных дагестанских исследователей, как М.-С. Саидов, Г. Г. Гамзатов, А. Р. Шихсаидов, И. Х. Асеков, Ф. И. Вагабова, Ч. С. Юсупова, А. Г. Гусейнаев, С. М. Хайбуллаев, С. М. Алиев, З. Н. Акавов и других, а также на труды крупнейших отечественных и зарубежных ориенталистов, таких как В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, И. М. Фильштинский, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, З. А. Ахметов, М. О. Ауэзов, А. Бомбачи и др.

Много внимания автором уделяется суфийской литературе, подчеркивается, что позиции «божественной справедливости» были направлены против феодального гнета, жестоких правителей.

Осмысливая роль художественных традиций суфийской духовной литературы в становлении и развитии дагестанской духовной литературы и истоки суфийской традиции в духовной словесности кумыков, автор довольно подробно останавливается на творчестве Умму Камала (XV в.), Али Багдади из Тарков (XVIII в.), Юсупа Яхсави (XIX в.). Кроме этого, он впервые привлекает к анализу творчество почти неисследованного Ибрагима из Эндирея.

Своим исследованием А. Т. Акамов опровергает все нигилистические евроцентристские тенденции и воззрения, проявляя подлинный историзм в оценке духовного наследия прошлого. Приведем некоторые его высказывания.

«До недавнего времени в отечественной науке господствовала концепция, согласно которой все исторически прогрессивное, передовое в истории духовной культуры мусульманских народов однозначно связывалось с античной философской традицией, а суфизму и другим религиозным течениям отводилась роль исключительно консервативная. Сегодня же становится ясно, что только всестороннее изучение всех идейно-философских течений средневековья в их столкновении, взаимообогащении и взаимосвязи раскроет объективную картину духовного развития региона, народа, высветит роль и место в этом процессе отдельных течений, творчества того или иного мыслителя.

В этой связи нуждается в переоценке и традиционное противопоставление в литературном наследии средневековья суфийских (религиозных) и светских сочинений как отражения соответственно реакционных и прогрессивных тенденций культуры эпохи феодализма» (с. 43–44).

В своем исследовании автор исходил из постулата о том, что «как и любая другая религия, ислам содержит в себе общечеловеческие нормы морали, проповедует идеалы справедливости, любви, гуманизма, нравственного совершенствования, осуждает жестокость, насилие, стяжательство» (с. 4).

Говоря о широком распространении ислама среди народов Дагестана, автор подчеркивает, что дагестанцы во все времена ощущали себя частью большой культуры Востока. Далее автор утверждает: «Ислам и культурные традиции мусульманства являются незыблемой частью дагестанской культуры, проникают во все сферы общества: обычаи, обряды, традиции, мировоззрение» (с. 5).

А. Т. Акамов отмечает, что в то время арабский язык и ислам стали составной частью культуры многих народов, в том числе и кумыков, сыграв огромную роль в формировании духовных и нравственных критериев.

По справедливому утверждению автора монографии, многие кумыкские произведения на традиционные темы восточной классики создавались в переводном варианте. При этом он приводит высказывание Н. И. Конрада о том, что «воссоздание чужого произведения на другом языке в те времена было актом творчества и притом творчества свободного» (с. 7).

Обозревая литературу тех лет, А. Т. Акамов отмечает, что в то время «особенно полюбились народам Дагестана такие сюжеты известных дастанов, рассказов, повестей, как «Тахир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун», «Бозигит» и многие другие. Эти сюжеты выполняли неразрывные между собой функции, т. е., с одной стороны, способствовали распространению среди населения мусульманской литературы и ислама, с другой стороны, служили средством обучения и воспитания» (с. 6–7).

Автор отмечает, что XVIII–XIX веках в дагестанской духовной поэзии нередко были антиклерикальные мотивы, выражающие отрицательное отношение поэтов к несовершенству религиозной практики и недостойным служителям культа.

В этот период в дагестанской литературе, наряду с просветительскими, полагает автор, доминируют идеи религиозного единства, сохранения чистоты мусульманской веры и заложенных в ней нравственных ценностей и категорий, поскольку «духовная литература включает в себя богатый пласт культуры, где наряду с религиозными воззрениями, представляющими теистическую культуру народов, явен прогресс также и в области художественного осмысления действительности, в выражении мысли, использования языка, поэтических приемах, стилевых, жанровых особенностях» (с. 8).

Солидаризуясь с С. М. Хайбуллаевым, А. Т. Акамов утверждает, что «при исследовании проблем зарождения и формирования дагестанских литератур, в том числе и кумыкской... нельзя весь процесс зарождения и развития литературы целиком сводить к влиянию восточной культуры» (с. 12), игнорируя вопрос наличия региональной самобытной культуры еще задолго до завоевания Дагестана восточными завоевателями, имея в виду культуру Кавказской Албании и Хазарского каганата.

Автор отмечает, что вхождение тюркских народов в сферу исламской цивилизации позволило им принять участие в создании духовных ценностей мусульманской культуры.

Говоря об особенностях суфийской литературы, исследователь подчеркивает мысль о том, что суфии, жалуясь на несправедливость мироустройства, падение нравов, говорили о двойственности человеческой природы, о невозможности освободиться от своих грехов, о своем бессилии воплотить и постичь всю святость божественной истины. Нередко они занимались самоговорами. Для суфийской поэзии характерен образ мискина – бедняги, который о себе мыслит как о самом ничтожном человеке на земле.

Автором внятно осмысливаются и другие типичные понятия суфийской поэзии, как фана, нафс, таат, къадар (судьба).

Говоря об основных элементах кумыкской суфийской духовной литературы, в частности о жанре «тюрки», автор пишет, что в «тюрки» присутствуют два элемента: исламский (религиозно-мистический, суфийский) и элемент национальный (близкий к народной литературе). Первый проявляется в идейном содержании, второй – в поэтической форме, размере.

Автор считает мавлиды одним из самых распространенных жанров религиозной литературы мусульман. Ссылаясь на исследование этого жанра С. М. Хайбуллаевым, он представляет мавлид в качестве художественного поэтического жанра синтетического характера. Одним из самых популярных произведений этого жанра была опубликованная в переводах на ряд дагестанских языков поэма Мухаммада аль Бусири (1212–1296) «Касида аль-Бурда», посвященная пророку Мухаммаду (а. с.), первоисточником которой был Коран.

Однако исследователь выражает свое несогласие с С. М. Хайбуллаевым и А. А. Алихановой, которые в состав системы жанров мавлида включали жанр «жития святых».

В произведениях кумыкской духовной литературы ярко выражен мотив конца света, который будут предвещать восход солнца, дым, зверь, выход Йаджуджа и Маджуджа, нисхождение пророка Исы, появление чудовища Даджжала и т. д. Этому дню, как показывает автор, посвящены многие произведения кумыкской литературы: «Гелир заман» («Наступит время») Гасана оглу, «Бизи бир шапаат, я Расул» («Заступись за нас, о Расул») А. Акаева и другие.

В разделе об ангелах-посланниках Аллаха – Джабраиле, Микаиле, Исрапиле, Азраиле – в монографии дана исчерпывающая информация.

Говоря о легендах о пророках, почерпнутых из публикаций Шихаммата Кади, автор отмечает, что их просветительский характер «заклучен не в пространных назиданиях, характерных для средневековых дидактических сочинений... все раскрывается по мере развития сюжета, вплетено в художественную ткань сочинений. Все счастливые и несчастные повороты в судьбах героев рассказов – пророков, в судьбах народа страны показываются следствием и результатом разумного, либо безнравственного, неразумного поведения персонажей, движимых добрыми и злыми побуждениями» (с. 107).

Осмысливая литературу второй половины XIX века, А. Т. Акамов пишет об остроте и динамизме социальных перемен в Дагестане, связанных с проникновением капиталистических отношений, проведением колониальной политики царизма, с разрушением устоев патриархально-феодального общества. Отмечая неоднозначность духовных процессов, происходивших в кумыкской литературе второй половины XIX – начала XX века, автор отмечает влияние религиозно-реформаторской мысли мусульманского Востока.

Исходя из состояния кумыкского Просвещения, А. Т. Акамов приходит к выводу, что «это явление достаточно широкое и многоплановое, охватывающее период второй половины XIX – начала XX века вобравшее в себя и научные достижения, и творческую, педагогическую деятельность А. Акаева, художественные и философские мысли Шихаммат-кади из Эрпели, Н. Батырмурзаева, и творчество многих других поэтов. Интерес к теории исламского мистицизма и его литературе был неотъемлемой составляющей дагестанского, в том числе и кумыкского просветительства, этого сложного и многомерного явления, которое еще ждет объективного, системного изучения и осмысления» (с. 98).

Период просветительства у кумыков (и других народов Дагестана) становится эпохой утверждения не только религиозного сознания, но и светского.

В своей монографии А. Т. Акамов посвятил некоторые разделы отдельным поэтам – Умму Камалу, Али Багдади из Тарков, Юсупу из Яхсая, Ибрагиму из Эндирея, выявляя специфику творчества каждого.

Умму Камал предстает как один из первых суфийских поэтов Дагестана, сполна испытавших всю несправедливость современной им жизни, оставшихся в одиночестве на чужбине и глубоко скорбящих по навсегда утраченной родине.

«Преобладающее направление энциклопедически образованного выдающегося ученого Али Багдади – требование разумности во всем, превознесение роли разума как всеобщей категории, как меры всех вещей» (Б. А. Шидфар). Его поэзия служила целям и задачам суфийской поэзии – воспитанию благочестивого мусульманина. Он призывал отказаться от бренного мира, от недозволенного, упоминал о божьих дарах на том свете.

О Юсупе из Яхсая, энциклопедически образованном ученом, приобретшем знания не только в филологии и философии, но и в области точных наук, обладавшем глубокими знаниями по классической арабской литературе, создававшим не только стихи, но и прозаические произведения, используя богатства арабского языка, автор пишет, что он пользовался авторитетом среди ученых Дагестана. Выступая с просветительских позиций, поэт стремился использовать все лучшие деяния человеческого разума в целях нравственного воспитания молодого поколения.

Монография А. Т. Акамова пронизана осмыслением многогранной просветительской деятельности и богатого литературного наследия Абу супияна Акаева, несмотря на то, что его творчество не выделено особым разделом. Автор считает, что труды Абу супияна остаются значимыми и сохраняют актуальность и в настоящее время. Выступая за распространение европейской, русской науки, культуры, общественной мысли, ученый-просветитель видел в этом реальный путь преодоления отсталости народа.

Только в одном издании из примерно сорока изданных книг Абу супияна – сборнике «Мажму уль-манзумат аль-аджамя» («Сборник произведений суфийского содержания на аджаме», 1914) собраны произведения «тюрки» многих до этого почти неизвестных суфийских поэтов XVIII–XX веков, таких как Абдурахман из Какашуры, Гасан оглу, Ибрагим Кара-Мурза оглу, Абдуллах, Хаджи оглу, Мухаммат кади, Абу бакар, Ильяс, Абу супьян, Юнус, Умар, Муса, Багдат Али, Шейх Али оглу, Гамзат-Ильяс, Акай хаджи, Халимат.

В монографии впервые дан развернутый очерк об Ибрагиме из Эндирея, чье творчество автор рассматривает как неотъемлемую часть кумыкской литературы.

Объективность изучаемого материала свидетельствует не только о логически верном осмыслении исследуемого материала, но и об умении автора, знающего арабский язык, преподнести в переводе и в оригинале необходимые мысли других авторов или аятов из Корана. Монография насыщена множеством цитат из священной книги на арабском языке и в переводе. Перечень использованных источников на разных языках составляет более трехсот пятидесяти единиц, что свидетельствует о емком осмыслении исследуемого материала. Используются автором и Интернет-источники.

В конце книги даны копии титульных листов 46 дореволюционных изданий духовной литературы на кумыкском языке.

Книга А. Т. Акамова – весомый вклад в изучение духовной литературы кумыков. В заключение хотелось бы выразить автору пожелание, чтобы в дальнейшей своей работе он уделил внимание творчеству Ташав Хаджи и Назира из Доргели, творчество которых пока остается неизученным.

А.-К. Ю. Абдуллатипов,
профессор кафедры литератур народов Дагестана
Дагестанского государственного университета,
доктор филологических наук